

ЛЮДМИЛА ФИЛАТОВА

ДВЕ ПРАВДЫ УЖИВАЮТСЯ НА СВЕТЕ...

ТРИ ВЗГЛЯДА

Когда сожмёт усталостью виски,
И долгий день мои надломит плечи,
Я отпущу всё лишнее с руки
И окунусь в семейный, добрый вечер.
Лишь он наступит, и, восславив дом,
Три пары глаз созвездием вечерним
Взойдут и засияют над столом,
Три взгляда — мужа, сына и дочерний...

СТАРЫЙ МОТИВ

Летние ночи, цветные, нескучные,
Ясные летние дни,
Скоро вас сменят дожди равнодушные,
Уж на пороге они.

ФИЛАТОВА Людмила Николаевна живёт и работает в Калуге. С 1994 г. — член Союза писателей России. Подборки её стихотворений публиковались в антологии русской женской поэзии “Вечерний альбом” издательства “Современник”, сборнике “Современная русская лирика” издательства “Советская Россия”, в “Антологии русского лиризма XX века”, в журналах “Истоки”, “Мир Паустовского” и др. Она автор десятка поэтических книг. Пишет пьесы и прозу.

Вот уж стучатся холодными пальцами
И до души достают,
Словно над лёгкими звонкими пяльцами
Серые иглы снуют.
Летние ночи короткие, пряные,
Знойные летние дни,
Будьте смелее дождей и упрямее!
Что вам они?
Пусть пострекочет ещё, поаукает,
Пошелестит, попоёт...
Август пред горькою зимнею скукою
Сладок, как сотовый мёд.

ЛЕНЬ

“Не позволяй душе лениться”?
А я позволю, так и быть.
Пускай плутовка отоспится,
Она ещё покажет прыть,
Ещё взовьётся голубицей
И грянет оземь в судный час!
“Не позволяй душе лениться!”
О, как суров сей трубный глас.
“Не позволяй”?! А я позволю!
Лень, что заслуженна, — сладка.
Легко скользит по белу полю
С пером бесплотная рука,
Легко дышать без принужденья,
Легко бежать без пут и риз!
И на крылах стихотворенья
Парить... И камнем падать вниз.

ГЕОРГИН

Мне было пять как будто в том году,
Когда со мной случилась эта шалость...
Влюбившись в георгин в чужом саду,
Его сорвать я долго не решалась...
Я на него глядела не дыша
Через проём некрашенных штакетин.
И открывалась для любви душа.
Для самой первой из её отметин.
Я, засыпая, думала о нём,
И он мне снился, стройный и прекрасный,
И полыхал отчаянным огнём
Его атласный венчик буро-красный!
Я обмирала в страхе — как он там? —
Когда в окно ломился ливень спорый.
И мчалась через клумбы по цветам
К заветному соседскому забору.
Но всякому терпенью есть свой срок...
И я меж планок руку протянула.
И вздрогнул тонкий влажный стебелёк!
А может, стылой заметью пахнуло?
Но он напрягся, в страхе замерев...
Я вижу, милый, вижу и доньше,
Как гордый, пышный венчик, отлетев,
Лежал ничком на жёлтой вязкой глине.

Пошёл мне впрок, как видно, тот урок.
Неправда, что с любовью нету сладу!
Ты для меня — желаннейший цветок,
Но за чужой, высокою оградой.

* * *

Хранятся и в беспечном красном лете
Осенние приметы про запас...
Две правды уживаются на свете:
Та, что за нас, и та, что против нас.
Но та, что против нас — зовём мы ложью,
Пока однажды просветленья час,
Вдруг шаткий мир перевернув к безбожью,
Не убедит в пути обратном нас.

* * *

Предел наступает — и капля срывается,
Своё грушевидное тело роняя.
Предел наступает, и сердце касается
Запретного бога, запретного рая.
Всему есть предел —
 И отваге, и страху.
Предел отсекает с единого маху
Двуострое жало любовной тоске.
Лишь мысль,
 что мгновенно вскипает в виске,
Ему не подвластна, когда б и хотела.
Она — упоенье... И нет ей предела.

* * *

Когда пронзают зеркало воды
Кувшинок маковки... И женщина нагая,
Свои одежды бережно слагая,
Сама своей боится наготы —
Гляжу и всюю кожей ощущаю:
Опасность бродит подле красоты.
Меж благом и грехом нет чёткой грани,
А если есть, то это — страсть сама.
Что нас стрелой добра и зла тиранит:
И свет, и жизнь — она!
Она же — смерть и тьма!

* * *

С берёз осыпались стрекозы золотые.
Увяли травы. Тёмная вода
Течёт лениво, словно в никуда,
К зиме закончив хлопоты простые,
И лишь осока гладь реки сечёт,
Бесцветные прочёсывая пряди...
Так мысль в мозгу у спящего течёт,
Сама не зная, чего ради.

* * *

Голубая деревня подлунная
Запечатана белым крестом.
Никого. Лишь позёмка безумная
Мчит по насту в разгуле пустом.
Стукнет в дверь —
 разве что-то послышится?
Да и кто здесь ночлег посулит?
Тишина. Только облако движется...
Тишина. Только сердце болит.
И всё видится, чудится, кажется,
Что и здесь, где лишь тлен да луна,
Всё ещё чья-то воля куражится,
И за гробом не ведая сна.

ГОЛУБКА

М. Цветаевой

Приходила белая голубка
Или чья-то близкая душа,
Опереньем, будто нижней юбкой,
По карнизу ржавому шурша.
Всё крутила шёлковой головкой,
Всё глядела маленьким глазком...
Было мне тревожно и неловко,
Словно позабыла я о ком.
О любимой, да несбережённой,
О чужой, да всех родных родней!
И следила я заморожённо
За голубкой белою моей,
Как ей перья ветром раздувает,
Как сечёт дождём её крыла...
А она всё ждёт, не улетает...
Будто за собой меня звала.

ЗОЛОТЫЕ ШАРЫ

Поникли золотые балерины
Цветов моих под ливнем проливным.
Лишь вздрагивают зябко стебли-спины,
Когда вода, струясь, бежит по ним...
И высунувшись из-за двери, кошка,
Загривок вздыбив, пятится назад
И отрясает с белой ватной ножки
Одним движеньем весь осенний сад.

* * *

Устала лежать дорога.
И вот она поднялась
И стала дорогой к Богу.
А значит — она сбылась!

И я бы за ней восстала!
Да волосы в травы вплелись,
Да очи земные устало
В два озера разлились.

* * *

Не слушай, милый, что я говорю...
Подчас найдут, нахлынут злые силы!
Их немочью недоброй я горю,
Когда тебя я обижаю, милый.
А то накатит благодать такая,
Как будто я в раю иль во хмелю.
И этой благодати потакая,
Тебя я, виноватого, хвалю.
Как лёд после дождя,
Как ливень после вьюги
Пытают на разрыв беспечную траву,
Так я тебя в своём последнем круге
За то пытаю, что тобой живу.

СУМЕРКИ

Не всё ж порхать
 то в розовом, то в сурике.
У всех у нас порой бывают дни,
Когда душа сама назовет сумерки
И плачет, неприкаянная, в них.
И так легко,
 так праведно ей плачется,
Так всех пришедших и ушедших жаль,
Как будто радости
 повыметены начисто,
И всё и вся — единая Печаль.
Но только вдруг
 окликнут залпы дальние
Забот и дел — а их у нас — не счесть,
И поднимаем мы глаза печальные
К тому, что есть.

* * *

Что-то есть в небесах,
Что-то есть!
Что зовёт, да к себе не пускает.
То, что мной, как рабой, помыкает,
Но велит гордо голову несть.

РОЖДЕСТВО

Стеклянные леса...
 Стеклянные метели...
Стеклянный перезвон по всей Руси...
Как хочется, чтоб окна запотели,
Душа согрелась, Господи спаси.
Как хочется свечи,
 чтоб озаряла
Лишь круг друзей.
 А дальше — ничего.
Душа не хочет большего. Устала
От вечного исканья своего.

Ей млеть и плыть,
 прислушиваясь к тонам
Знакомых голосов, знакомого тепла.
Не трогайте ее. Душа сегодня дома,
Где, может быть, с рожденья не была.
Стеклянные леса...
 Стеклянные метели...
Стеклянный перезвон по всей Руси...
Ну, вот уже и окна запотели.
Согрелись души, Господи спаси.

ЧЕРНЫЙ БАНТ

Чёрный бант,
 ты по ком панихиду справляешь?
Студят ветры октябрьские сердце земли.
Не последних ли ты
 под крыло собираешь,
Тех, кому ещё совесть держаться велит?
Сколько ты проводил,
 нашептал о свободе,
Чёрный бант на петлицах и древках знамён?
Вот они, те, кто верили, тихо уходят,
Унося нашу славу, как сон.
Славу наших высот,
 славу наших бесславий,
Суесловье в холодном поту.
Чёрный бант.
 Да хрустящий под тяжестью гравий,
Да шаги,
 да шаги в пустоту...